

Памяти наших учителей: кафедра истории китайской цивилизации ДВГУ

Иван Юрьевич ЗУЕНКО

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Москва, Россия, i.zuenko@inno.mgimo.ru

Аннотация. Воспоминания выпускника Восточного института 2005 года посвящены его учителям, сотрудникам кафедры истории китайской цивилизации ДВГУ и позже кафедры Тихоокеанской Азии ДВФУ. Автор с любовью и благодарностью вспоминает своих учителей: Андрея Александрова, Любовь Клим, Александра Кожевникова, Александра Сергеева, которые совмещали в себе и строгих учёных, и харизматичных преподавателей, но что наиболее важно – людей, с которых студенты стремились брать пример.

Ключевые слова: российское востоковедение, кафедра истории китайской цивилизации ДВГУ, Андрей Валентинович Александров, Любовь Ивановна Клим, Александр Евгеньевич Кожевников, Александр Леонидович Сергеев

Для цитирования: Зуенко И. Ю. Памяти наших учителей: кафедра истории китайской цивилизации ДВГУ // Известия Восточного института. 2024. № 4. С. 50–57. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-4/50-57>

Personalia
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-4/50-57>

In memory of our teachers: Department of the History of Chinese Civilization, FESU

Ivan Yu. ZUENKO

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia, i.zuenko@inno.mgimo.ru

Abstract. The memoirs of the graduate of the Oriental Institute (2005) are dedicated to his teachers, the staff of the Department of the History of Chinese Civilization of the Far Eastern State University and later the Department of Pacific Asia of the Far Eastern Federal University. The author remembers his teachers with love and gratitude, they are Andrey Alexandrov, Lyubov Klim, Alexander Kozhevnikov, Alexander Sergeev, who combined strict scientists and charismatic teachers, but most importantly the people from whom students sought to follow an example.

Keywords: Russian Oriental studies, Department of the History of Chinese Civilization FESU, Andrey Aleksandrov, Lubov Klim, Aleksandr Kozhevnikov, Aleksandr Sergeev

For citation: Zuenko I. Yu. In memory of our teachers: Department of the History of Chinese Civilization, FESU. *Oriental Institute Journal*. 2024. No. 4. P. 50–57. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-4/50-57>

В последнее время, когда я выступаю с публичными лекциями и рассказываю о работе востоковеда, меня часто спрашивают об истоках моего увлечения Востоком в целом и Китаем в частности. Нужно сказать, что какой-то особенно красивой истории в арсенале у меня нет. Востоковедение не воспринималось мной как призвание с детства, у меня нет родителей-восточников, я не провёл детство в Китае или какой-либо другой азиатской стране, до начала учёбы в Восточке не смотрел китайского кино, не слушал китайскую музыку и не читал китайскую литературу. Скорее мой выбор – что логично для юноши, выросшего в 1990-е годы на Дальнем Востоке, – был сугубо прагматичный. Я поступил в Восточный институт, который считался одним из самых престижных подразделений университета, во многом из-за того, что рассчитывал на денежные подработки ещё во время учёбы и на возможность уехать за границу сразу после её завершения.

Только оказавшись в стенах корпуса на Покровском парке, я ощутил и воспринял всю притягательность изучения Востока. Годы учёбы вспоминаю как потрясающее время: не только из-за того, что приобрёл в институте лучших друзей, встретил свою любовь, был частью той уникальной творческой атмосферы, которая всегда отличала Восточный институт, но и из-за того, что мне действительно было очень интересно учиться.

У нашей группы страноведов были замечательные преподаватели китайского языка: Александра Леонидовна Азарова, Валерий Иосифович Молодых, Семён

Анатольевич Буров, Раиса Михайловна Корябина, Надежда Александровна Хузи-ятова, Александр Русланович Зайнигабдинов; по всей Восточке ходили легенды о таких ярких знатоках китайского языка, как Андрей Иванович Осмачко и Наталья Ивановна Шевцова; и конечно, как не вспомнить о директоре Восточного института Анне Александровне Хаматовой и декане факультета китаеведения Ольге Валерьевне Кучук, которых мы, впрочем, знали больше не как руководителей, а как блистательных лекторов.

Однако особое место в нашей студенческой жизни занимала выпускающая кафедра – кафедра истории китайской цивилизации, расположенная на пятом этаже корпуса на Океанском, 39. Само её название было для нас как музыка – не просто "кафедра истории Китая" или "кафедра страноведения", а именно "истории китайской цивилизации". Эти слова буквально зачаровывали, уводили нас в глубины веков, вдохновляли на учёбу.

Скажу про себя, но уверен, что то же могут повторить и мои однокашники: главная заслуга в том, что я полюбил Китай и сам процесс познания Китая, связал с ним свою жизнь, принадлежит моим (тут уместно сказать "нашим") учителям – преподавателям кафедры истории китайской цивилизации. Уже окончив университет, я ещё десять лет работал с ними бок о бок – пусть затем в процессе реформ и пертурбаций кафедра сменила вывеску и стала называться кафедрой Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета. Этот опыт – по разным причинам – оказался определяющим в моём профессиональном развитии. И этот очерк я хотел бы посвятить памяти моих учителей, моих коллег – тех людей, по отношению к которым я до сих пор ощущаю чувство, обозначаемое конфуцианским термином 孝 "сяо" (упрощённо можно перевести как "сыновняя почтительность, сыновний долг").

Так получилось, что старшее поколение моих учителей, ядро кафедры истории китайской цивилизации, за короткий период, пришедшийся на 2013–2019 годы, ушло из жизни. Они навсегда остались в памяти коллег и выпускников, но подлинной рефлексии на тему их вклада в подготовку нескольких поколений российских китаистов, развития отечественного китаеведения – во всяком случае, зафиксированной на страницах периодического журнала – пока так и не произошло. Этот очерк призван в какой-то мере закрыть эту нишу.

И начать бы его хотелось с человека, являвшегося для большинства восточников 1990–2000-х годов поступления фигурой, с которой и начиналось знакомство с институтом. Просто в силу того факта, что он долгие годы отвечал за профориентационную работу среди абитуриентов, и именно разговор с ним на той или иной презентации ДВГУ или "дне открытых дверей" для многих (в том числе меня) открывал путь к востоковедению.

Речь, конечно же, о легендарном Андрее Валентиновиче Александрове.

Александров

18.06.1952 – 30.11.2014. Родился в Хабаровске, в 1974 г. окончил восточный факультет ДВГУ. В 1979 г. защитил в Институте востоковедения АН СССР диссертацию "Роль железноделательного производства в истории древнекитайского общества (вторая половина 1 тысячелетия до н.э. – начало н.э.)", кандидат исторических наук. В 1991–2006 гг. заведующий кафедрой китайской цивилизации. Всю свою профессиональную карьеру (1974–2014 гг.) посвятил подготовке студентов-китаистов Дальневосточного университета.

Андрей Валентинович был, пожалуй, самой яркой и харизматичной личностью Восточки времён её расцвета в 1990–2000-е годы. Он производил впечатление даже своей внешностью: статный, с окладистой седой бородой, большими внимательными глазами, стильно зачесанными волосами. Все ученики Александрова помнят и его красивый голос – то мягкий, спокойный, как у гипнотизёра, то вдруг взрывающийся, как у драматического актёра, эмоциями. Он умел производить эффект неожиданными философскими отступлениями и рассказами с отсылками к своему опыту путешествий по Китаю. В общем, сопротивляться его интеллектуальному обаянию было невозможно. Для многих китаистов-страноведов он яв-

лялся той самой ролевой моделью, на которую они старались быть похожими с первого разговора при поступлении и до самого выпуска.

В течение всех пяти лет, что я учился, он возглавлял кафедру, читал курсы по регионоведению и социальной антропологии, иногда замещал других преподавателей на лекциях по древней истории Китая. Лекции не всегда были легки для понимания. На мой нынешний вкус, им не хватало структурности и системности. Это была такая "старая школа" в истинном понимании этого термина, который восходил к рассуждениям Учителя, прогуливавшегося по саду в окружении своих учеников и делившихся с ними всеми своими наблюдениями (не только по предмету курса, но и вообще по всем жизненным вопросам).

Александров мог начинать лекцию про одно, увлекался и уходил в глубины, перескакивал на другое, так что проследить за движением его мысли было сложно (но, безусловно, увлекательно). Одно точно – такая манера чтения лекций в сочетании с личной харизмой производил такой "интеллектуальный буст", когда, выйдя с аудитории, хотелось тут же сесть и залпом прочитать всего Сыма Цяня или вдруг начать изучать диалект хакка, чтобы раствориться среди местного населения во время будущих исследовательских поездок по южным провинциям.

Уже позже, изучая научное наследие кафедры, я с некоторым удивлением обнаружил [1], что в 1980-е годы Александров не ограничивался преподавательской и организационной работой, а был очень тонким учёным, изучавшим передовые на тот момент аспекты истории древнего Китая, писал глубокие статьи в сборник "Общество и государство в Китае" – объект настоящего культа для сообщества китаеведов, регулярно ездил в археологические экспедиции по Приморскому краю (куда возил и студентов-страноведов), привозил из них уникальные материалы.

На рубеже 1980–90-х годов он увлёкся политическим активизмом (время было такое), потом втянулся в работу по коммерциализации образования, стоял у истоков новой специализации для студентов-китаистов, которая получила модное название "Межрегиональный менеджмент и межнациональные коммуникации". В середине 2000-х годов он покинул руководящие должности и перешёл исключительно на преподавательскую работу. Научных трудов к тому моменту он уже не писал.

Однако, неизменно было одно – своим долгом, своей миссией он видел подготовку молодых восточников. Он неоднократно вывозил студентов младших курсов на длительные языковые и страноведческие стажировки в Китай. Много сил и времени тратил на разговоры со студентами, аспирантами, вчерашними выпускниками. Пожалуй, Андрей Валентинович (как я сейчас понимаю) где-то даже обижался, что я, активный молодой преподаватель, недостаточно много с ним советовался, не востребовал его богатый преподавательский и исследовательский опыт, пусть и всегда подчёркивал то глубокое уважение, которое я испытываю к его личности. Он-то со своей стороны всегда был к такому общению открыт.

В последние годы жизни он уже сильно болел и, по правде говоря, был бледной копией себя самого времён расцвета. Однако его уход в 62 года всё равно был шоком для всех: начиная от коллег, заканчивая студентами, у которых он буквально за день до смерти читал пары. Я помню ту оторопь, которая охватила нас, собравшихся у крематория Морского кладбища почтить память ушедшего учителя. Церемония получилась несколько сомкнутой – гроб стоял закрытым, мы не знали, что делать и как реагировать. Просто стояли в тишине и думали каждый о своём.

С уходом Александрова ушла эпоха – и в данном случае это не преувеличение [4].

Сергеев

Александр Леонидович Сергеев. 8.12.1945 – 1.01.2013. Родился в г. Аксай (Ростовская область). В 1976 г. окончил восточный факультет ДВГУ. В 1986 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ защитил диссертацию на тему "Китайский исторический роман XVI века "Повесть о доблестных героях", кандидат филологических наук. Автор учебного пособия "Этнология Китая (китайцы)". Всю свою профессиональную карьеру (1977–2013 гг.) посвятил подготовке студентов-китаистов Дальневосточного универ-

ситета.

Александр Леонидович Сергеев был человеком другой эпохи. Даже удивительно, как он в отличие от того же Александрова, остался чистым книголюбом, интеллектуалом такого рафинированного образца, о котором пишется на первых страницах великого китайского романа "Неофициальная история конфуцианцев".

Александр Леонидович вёл у китаистов курсы по вэньяню, китайской средневековой литературе, работе со словарями и справочниками, а также этнологии Китая. В этом сочетании зашифрована сама личность Сергеева, который, с одной стороны, был "человеком текста" в классическом конфуцианском понимании, а с другой стороны, был путешественником, рыбаком, много времени провёл в археологических экспедициях, в тайге чувствовал себя как дома.

Такое редкое сочетание интересов делало Сергеева очень притягательной, многогранной личностью. Он очень увлечённо, даже страстно, забывая обо всём на свете, рассказывал о предметах своего интереса. Действительно обожал свою средневековую эпиграфику, искренне негодовал на реформу письменности, называя упрощённые иероглифы "слепыми", от души хохотал, пересказывая какой-нибудь особо скабрёзный пассаж из "Цзинь, Пин, Мэй". В общем, с позиции прагматично настроенных студентов Восточки девяностых-нулевых он выглядел, как сейчас бы сказали, "фриково". Но это была такая очаровательная, такая мотивирующая "фриковость"! Это был "добрый безумный профессор", заражавший своей позитивной "сумасшедшинкой" во всём, что касалось китайского средневековья, и потому особенно любимый студентами.

Кроме того, как и Александров, он очень любил уводить студентов за пределы аудиторий: проводил лекции в музеях, организовывал экскурсии на руины бохайских крепостей, планировал выехать со студентами в археологическую экспедицию. Искренне любил и хорошо знал Уссурийский край. Жил далеко за городом, практически в лесу, откуда приезжал на лекции на видавшем виды внедорожнике.

Умер Александр Леонидович в 68 лет – как-то внезапно и необъяснимо. Он далеко не исчерпал свой преподавательский и исследовательский потенциал, мог бы работать ещё и ещё. У него были аспиранты, с которыми он занимался изучением цензуры в имперском Китае. Увы, без него они были вынуждены бросить свои темы – кроме Сергеева в Восточке уже никто не занимался классическими исследованиями китайских источников...

Нужно сказать, что в то время уже однозначно доминировал фокус на практикоориентированных исследованиях – и тут человеком "номер один" был Александр Евгеньевич Кожевников.

Кожевников

26.12.1955 – 13.11.2017. Родился в г. Хабаровск, в 1978 г. окончил восточный факультет ДВГУ и начал преподавать в Институте народного хозяйства в Хабаровске. В 1981 г. вернулся в ДВГУ и начал работу в качестве научного сотрудника т.н. "проблемной лаборатории" востфака, позднее совмещая это с преподаванием. В 1990 г. защитил в Институте Дальнего Востока АН СССР диссертацию "Политика Коммунистической партии Китая в отношении рабочего класса в конце 1970 – начале 1980-х годов", кандидат исторических наук. В 2005–2011 гг. декан факультета китаеведения. В 2013–2017 гг. преподавал в Высшей школе экономики (Москва).

В отличие от Александрова и Сергеева, Кожевников появлялся в жизни студентов-китаистов уже на старших курсах, где он вёл "взрослые" дисциплины: "История Китая новейшего времени", "Актуальные проблемы развития Китая", "Методология научного исследования". Скажем честно: это не были развлекательные лекции. Многим преподавательская манера Александра Евгеньевича могла показаться скучной. Но всё это только на первый взгляд!

На самом же деле Кожевников был исключительно компетентным знатоком Китая, который глубоко и системно разбирался как в текущих тенденциях развития страны, так и в их предпосылках – прежде всего, в истории Китая XX века. При этом он был всегда взвешен, осторожен в оценках, никогда не злоупотреблял

яркими метафорами и аналогиями "ради красного словца". Словом, обладал всеми качествами, которые необходимы для серьёзного, ответственного аналитика.

Это неудивительно при его опыте – в 1980-х годах Кожевников в числе лучших выпускников востфака был направлен на работу в так называемую "проблемную лабораторию", которая писала закрытые аналитические доклады по заказам партийного руководства, военных структур и спецслужб [3]. Сейчас эту "проблемную лабораторию" назвали бы think tank'ом – "фабрикой мысли". Именно ей она и была. Парадоксально, но до сих пор при Восточном институте ДВГУ не создана аналогичная структура! Одной из главных причин этого, как думается, является дефицит таких подготовленных кадров, как Кожевников, которые могли бы производить подлинно оригинальный аналитический продукт на основе глубокого знания языка, истории и культуры изучаемой страны, собирая информацию по крупицам (в 1980-е годы в ход шли даже региональные газеты и материалы радиоперехвата, передаваемые в лабораторию).

Кожевников был ярко выраженным интеллектуалом. Не любивший ярких внешних эффектов, грузный, неторопливый, с внимательными добрыми глазами из-за толстых очков, глубоким басистым голосом, он производил впечатление человека, который смотрит всегда в суть, ценит главное и пренебрегает наносным, лишним. Этому же он учил и студентов: видеть сам процесс, понимать магистральные причинно-следственные связи. Среди всех востоковедов ДВГУ он, безусловно, был наиболее подкованным в плане научной методологии – поэтому логично, что именно он являлся заместителем директора по научной деятельности.

Я многому научился у Александра Евгеньевича в процессе написания дипломной работы. Писать про "культурную революцию" и субкультуру хунвэйбинов – была моя идея, Кожевников ничему не мешал, но мягко, точно направлял меня: где-то своевременным советом, где-то нужным источником, где-то просто ободряющим словом.

Позднее Александр Евгеньевич стал деканом факультета китаеведения. И хотя, казалось, он несколько тяготится административной работой и представительскими функциями, выбор был логичен – по своему авторитету именно Кожевников более других подходил на эту роль.

Так получилось, что он стал последним деканом факультета китаеведения. В 2011 году в связи с реформированием университета факультеты упразднили. Восточный институт ДВГУ был слит вместе с международниками, политологами и востоковедами нескольких других вузов в Школу региональных и международных исследований. Сам университет через год окончательно переехал в новый кампус на остров Русский.

Кожевников был не в восторге от этих перемен. К тому же он имел давнее предложение переехать в Москву преподавать в Высшей школе экономики – там его опыт и компетенции были востребованы. В конце концов, он его принял.

В последний раз мы с ним виделись именно в Москве, когда осенью 2017 года мы с группой выпускников Восточки решили организовать "встречу земляков". Он до последнего не был уверен, что придёт – ссылаясь на занятость и желание провести время с маленькой внучкой. Но всё-таки пришёл. Как всегда, спокойный, неторопливый, внимательный, сосредоточенный, неизменно благожелательный.

Таким мы его и запомнили. Не дожив чуть больше месяца до своего 62-летия, он ушёл из жизни [5].

Клим

Любовь Ивановна Клим. 22.05.1954 – 01.07.2018 гг. Родилась в г. Хабаровск, в 1976 г. окончила восточный факультет ДВГУ. Работала в средней школе учителем китайского языка, переводчиком на круизных судах Дальневосточного морского пароходства. В 1980–1992 гг. являлась научным сотрудником в Институте истории, археологии и этнографии ДВО РАН. В 1988 г. защитила в нём диссертацию на тему "Интернациональные связи советского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая, 1949–1960 гг." С 1992 г. на преподавательской работе в Дальневосточном университете. В 2006–2017 гг. заведующая кафедрой истории китайской цивилизации, позднее реорганизованной в ка-

федру Тихоокеанской Азии.

О Любви Ивановне Клим разговор особый. И, пожалуй, самый личный. Таким она была человеком.

Для меня (как и для нескольких поколений моих однокашников) её образ – это не образ учёной или преподавателя, и даже не образ руководителя кафедры. Это, прежде всего, образ Мамы. Да, строгой; да, скорой на критические замечания; но неизменно любящей и заботящейся.

При этом и преподавателем она была великолепным! Два моих самых любимых предмета – "Географию Китая" на 1-м курсе и "Социально-политическую систему Китая" на 3-м курсе – вела именно Любовь Ивановна. С каждой из этих дисциплин у меня связано по одной личной истории, которые, как мне кажется, идеально характеризуют Любовь Ивановну.

На 1-м курсе она заставила нас, группу "страноведов", выучить "карту Китая": расположение всех провинций и их административных центров. Меня так вдохновили первые лекции по географии, что я потратил выходные, досконально всё вызубрил и в числе первых пошёл за зачётом "по карте". А так получилось, что в момент, когда я показался в дверях её кабинета на 5-м этаже Восточки, Любовь Ивановна куда-то спешила (помимо прочего, нужно сказать, что она была очень яркой, успешной, состоятельной женщиной) и сходу предложила мне: "Молодой человек, если сможете, давайте Вы сдадите зачёт без опоры на бумажную карту". Я к этому не готовился, но подумал, что попробую справиться. И действительно, пока мы шли на стоянку, где был припаркован её роскошный внедорожник (до сих пор помню!), Любовь Ивановна спрашивала, а я точно назвал: где какая провинция находится, с какой граничит, и даже на какую геометрическую фигуру похожа. Любовь Ивановна была довольна и сказала, что "именно так нужно сдавать карту, что карта должна быть в голове". Возможно, именно тогда она меня выделила среди всех остальных студентов курса (а одних только китаистов 2000 года поступления было порядка ста человек).

На 3-м курсе, когда дело дошло до "Социально-политической системы" я старался не пропустить ни одно сказанное на лекции слово – сидел на первой парте, задавал вопросы. Но, как это часто бывает, от избытка фактических знаний начал в них путаться и, решая итоговый тест, на два вопроса ответил неправильно, домыслив то, что домысливать не требовалось. Сразу после окончания теста я понял, что "накосячил", и теперь мне светило не "отлично", а "хорошо". Каково же было моё удивление, когда при объявлении итоговых результатов я получил тот балл, который давал право на "пятёрку"! Любовь Ивановна увидела мои ошибки, но поняла, что я перемудрил, и "подтянула" мою оценку до того уровня, который она считала соответствующим моим знаниям.

...После окончания университета я (как и большая часть моих однокашников) устроился во внешнеторговую компанию и готовился в ближайшее время уехать в Китай: если повезёт, то в Шанхай или Шэньчжэнь, если нет, то в Иу или Вэньчжоу. На исходе лета я заскочил в корпус Восточки на Океанском, 39 (по которому, надо сказать, уже успел соскучиться), для того чтобы забрать на кафедре какие-то документы. Меня встретила Любовь Ивановна и пригласила к себе – она вместе с методистом Татьяной Геннадьевной Родионовой сидела в отдельном от мужской части коллектива кабинете. Спросила, как дела, чем занимаюсь, и сходу, в её привычной, не терпящей возражений манере заявила: "Ваня, бизнес — это хорошо, но тебе нужно преподавать". Заявление, как выяснилось, было подкреплено конкретикой. Любовь Ивановна готовилась возглавить кафедру вместо Андрея Валентиновича Александрова и хотела усилить коллектив молодыми кадрами. С учётом моей занятости в бизнесе, речь шла лишь о четверти ставки и одном курсе, который я должен был начать читать весной. Предложение было неожиданным, но, во-первых, я к тому моменту уже действительно соскучился по Восточке, её неповторимой семейной атмосфере, а во-вторых, возражать Любви Ивановне было чертовски сложно.

В общем, я согласился. С этого всё и началось. И скажу честно, Любовь Ивановна в плане моего профессионального становления как сотрудника вуза – ключевой

человек. И не только потому что именно она разглядела во мне какие-то задатки преподавателя и сделала "то самое предложение", но и потому что в дальнейшем, когда у меня возникали сложности с совмещением работы в университете и в бизнесе, она поддерживала меня (иногда даже вопреки моим мрачным ожиданиям) и давала шанс задержаться в преподавании/науке. Любовь Ивановна была темпераментным, эмоциональным человеком – многие мои действия и решения её разочаровывали, и чаще всего она не скрывала этого. Это, в свою очередь, вызывало обиды у меня. Однако же, как я сейчас отчётливо понимаю, она мудро держала меня в "обойме", создавала условия, при которых я мог развиваться как профессионал, а я всегда сохранял к ней лояльность и уважение.

Я проработал в ДВГУ до 2016 года, когда перешёл на штатную работу в Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН – к тому моменту я вошёл во вкус исследовательской работы, на которую в университете тогда времени категорически не хватало. Любовь Ивановна отнеслась к моему решению удивительно спокойно, хотя, вероятно, в своё время рассчитывала на меня как на своего преемника на кафедре.

А спустя год уволилась из ДВГУ и она. Сложно сказать, что она испытывала – со своим стремлением быть во всём в числе отличников, она наверняка воспринимала кафедру как своё дело, а всех нас (студентов, выпускников, подчинённых) как своих детей. Думаю, ей было тяжело покидать университет, но объективно руководить кафедрой ей было уже тяжело. Административные условия работы изменились, это уже была не та камерная, семейная Восточка нулевых, в которой многие вопросы решались людьми, знавшими друг друга и работавшими бок о бок по тридцать-сорок лет. К тому же Любовь Ивановна перенесла тяжёлую болезнь. Впрочем, до последних дней в университете она не давала слабину и всегда была кипучим фонтаном энергии. Думаю, она и уволилась тогда, потому что не хотела, чтобы кто-то видел её угасание.

Она переехала в Москву и провела там несколько счастливых лет. Мы виделись. Были очень рады друг другу. Любовь Ивановна рассказывала про свой загородный дом, про клумбы, цветы, звала погостить у неё, я вежливо улыбался. Собирались встретиться ещё. Я был в Тюмени на конференции, когда мне переслали сообщение её мужа, прославленного капитана Дальневосточного морского пароходства Владимира Георгиевича Климана [2] о том, что "Люба умерла"...

Я потом ещё долго вёл внутренние диалоги с ней. Что-то доказывал, убеждал, примерно представляя, как она будет реагировать и как отвечать. Мне очень хотелось бы рассказать ей о том, как у нас дела: не только о себе, но и о всех выпускниках, о которых я знаю (а она помнила всех! причём по имени, фамилии, кто с кем сидел за одной партой, кто с кем держался за руки: я много раз убеждался в этом потрясающем свойстве её памяти, доказывающим как небезразлично она к нам относилась). Хотелось бы рассказать о своих успехах, поблагодарить за всё сделанное для нас и сказать самое главное – что учитель живёт в своих учениках и учениках их учеников вечно.

*Октябрь 2024 года, Владивосток – Москва.
В честь 125-летия Восточного института.*

Литература

1. Зуенко И. Ю. Научный вклад А. В. Александрова в изучение древней истории Китая // Известия Восточного института. 2017. № 1 (33). С. 11–16.
2. Островский А.В. Теплоход "Туркмения" в огне: как чудом удалось избежать трагедии в Японском море // Контингент. Военно-историческое издание. URL: <https://kontingent.press/post/teplodod-turkmeniya-v-ogne-kak-chudom-udalos-izbezhat-tragedii-v-yaponskom-more> (Дата обращения: 12.11.2024).
3. Ощенко В. Г. Запретный Восток Александра Кожевникова // Владивосток, 12.10.2001. URL: https://vladnews.ru/ev/vl/1062/50096/zapretnyy_vostok (Дата обращения: 12.11.2024).
4. Памяти А. В. Александрова // Известия Восточного института. 2015. № 1. С. 102–105.
5. Памяти Александра Евгеньевича Кожевникова // Известия Восточного института. 2017. № 4. С. 121–125.

References

1. Zuenko I. Y. Andrei Alexandrov's Scientific Contribution to Chinese Ancient History Studies. *Oriental Institute Journal*. 2017. No. 1. Pp. 11–16. (In Russ).
2. Ostrovsky A. V. Teplokhod «Turkmeniya» v ognе: kak chudom udalos' izbezhat' tragedii v YAponskom more = The ship «Turkmenia» on fire: how the tragedy in the Sea of Japan was miraculously avoided. *Contingent*. URL: <https://kontingent.press/post/teplohod-turkmeniya-v-ogne-kak-chudom-udalos-izbezhat-tragedii-v-yaponskom-more> (Date of request: 12.11.2024). (In Russ).
3. Oschenko V. G. Zapretnyj Vostok Aleksandra Kozhevnikova = Alexander Kozhevnikov's Forbidden East. *Vladivostok*, 12.10.2001. URL: https://vladnews.ru/ev/vl/1062/50096/zapretnyy_vostok (Date of request: 12.11.2024). (In Russ).
4. In memory of A. V. Alexandrov. *Oriental Institute Journal*. 2015. No. 1. Pp. 102–105. (In Russ).
5. In memory of Alexander Evgenievich Kozhevnikov. *Oriental Institute Journal*. 2017. No. 4. Pp. 121–125. (In Russ).

Иван Юрьевич ЗУЕНКО, канд. ист. наук, доцент кафедры востоковедения, старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России г. Москва, i.zuenko@inno.mgimo.ru

Ivan Yu. ZUENKO, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor at the Department of Oriental Studies, the Senior research fellow at the Institute for International Studies of the MGIMO University, Moscow, Russia, i.zuenko@inno.mgimo.ru

Поступила в редакцию

(Received) 16.10.2024

Принята к публикации

(Accepted) 25.10.2024